

Дневник моего сердца
Diarium Cordis

Анна Ахматова

Листки из дневника
Проза. Письма

Издательство АСТ
Москва 2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А95

Все права защищены.

Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Идея серии *Юрий И. Крылов*
Предисловие и примечания *Михаил Кралин*

А95 **Ахматова, Анна**
Листки из дневника. Проза. Письма / А.А. Ахматова. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 416 + [16 вкл.] с.: ил. — (*Дневник моего сердца/Diarium Cordis*).

ISBN 978-5-17-099924-8

Анна Ахматова прожила семьдесят семь лет. С её уходом закончилась эпоха «Серебряного века». Удивительным образом поэтессе удавалось даже во времена официального (и нарочного) забвения оставаться абсолютной европейкой. «Сказочным козерогом» окрестил её один из конфидентов, ибо ахматовский жизненный круг был очерчен пунктиром дружб и встреч с Манделштамом и Модильяни, Исайей Берлином и Иосифом Бродским, et cetera...

Воспоминания Анны Андреевны, дневниковые заметки, избранные статьи, фрагменты переписки, то, что не всегда для публичности, то, что поэт держит при себе, — наполнение и суть этой книги.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

«Издательство АСТ» выражает благодарность А. Г. Найману за предоставленные фотографии.

ISBN 978-5-17-099924-8

© ООО «Издательство АСТ», 2017
© А. Ахматова, наследники, 2016
© М.М. Кралин, предисловие,
примечания, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Времена Ахматовой*

*И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это — только рана
И муки облачко над ней.*

Анна Ахматова

Времена, в которые укладывается земное бытие Анны Ахматовой (1889—1966), и те времена, в которые простираются координаты ее поэзии, разительно несоизмеримы. Первые составляют немногим более семи с половиной десятилетий, а последние уходят корнями в толщу необозримого прошлого — от воспетых ею библейских героинь — Рахили, жены Лота, Мелхолы — до времен великого князя Московского Дмитрия Донского, боярыни Морозовой и легендарных китежан, среди которых она чувствовала себя своей и в чьем светлом граде мечтала обрести последний покой. А вершинами, до наших пор буйно растущими, ахматовские времена уходят в будущее,

* Впервые — в кн.: Анна Ахматова. «В то время я гостила на земле...»: Стихотворения. Поэмы. / Составление, статья и примечания М. М. Кралина. СПб.: Лениздат. 1995. С. 599—606. Более полный вариант в кн.: Анна Ахматова. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Цитадель. 1996. С. 3—16. Печатается с исправлениями.

ПРЕДИСЛОВИЕ

мимо и помимо нас — ее младших современников, иным из которых довелось еще застать ее гостебу на земле и про- водить в последнюю дорогу.

Ахматовское время умирает.
Ахматовская совесть — не по нам.
И только стих горит, не догорает,
Даруя слезы новым племенам¹.

Эти «новые племена» сегодня могут, если захотят, узнать об Анне Ахматовой и ее временах намного больше, нежели ее современники, граждане «этой страны», ныне более не существующей, впервые услышавшие само имя Ахматовой из пресловутого доклада «товарища Жданова», про которого еще напишут в будущих учебниках истории: «партийный деятель эпохи Анны Ахматовой». Но в то время (40-е и 50-е годы XX века), когда Ахматова с мукой душевной говорила друзьям как о главном несчастье ее жизни о том, что ее «не знают», миллионы советских школьников не просто знали, а обязаны были знать стихи Ахматовой, процитированные в докладе «товарища Ж», потому что этот доклад входил в экзаменационные билеты для всех выпускников советских школ. Так и мое знакомство с Ахматовой началось с этих трех строк, безглаголиво отстраняющих все то, что было в докладе перед ними и после них:

Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенных чадом...²

Я и сейчас ощущаю тот «солнечный удар» от этих волшебных строк, так непохожих на все звучащее вокруг, полученный мной в 1962 году, когда мне было 14 лет. Как я счастлив, что моя встреча с ахматовской поэзией началась именно с этих строк! А вскоре наша клас-

¹ Михаил Кралин. Возраст нежности. СПб., 1993. С. 83.

² Жданов А. А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Правда. 1946. 21 сент.

ПРЕДИСЛОВИЕ

сная руководительница, учитель математики Надежда Михайловна Сочнева, узнав о моей безнадежной страсти, подарила мне маленький томик в зеленой обложке, (потом я узнал, что сама Ахматова называла его «лягушкой»), изданный в 1961 году. Это было пятьдесят пять лет назад. А в двадцать с небольшим, работая в архиве Ахматовой, я находил немало писем от советских школьников, разглядевших жемчуга ее поэзии в том же мутном источнике, что и я.

Времена Анны Ахматовой явственно распределяются на три эпохи. В символике ее поэтической биографии были числа, имеющие сакральное, судьбоносное значение: тройка, пятерка, семерка. Обратим особое внимание на число «три». Оно действительно присутствует как в стихах, так и в судьбе («Три раза пытаться приходила...», «Три осени»; «Поэма без героя», спутница ее жизни, состоит из трех частей, незаконченная трагедия «Энума элиш» — из трех действий). А одна из самых глубоких по смыслу элегий начинается строкой «Есть три эпохи у воспоминаний». И действительно, если обратить внимание на хронологию судьбы поэта, получается трехчастная композиция, состоящая из блистательного пролога (1912—1922), глубоко трагической центральной части (собственно Судьбы) — (1923—1955) и не менее блистательного эпилога, «победы над судьбой», по слову самой Ахматовой. Эпилог охватывает последнее десятилетие ее жизни (1956—1966).

Центральная часть, в свою очередь, делится на три акта. Первый и третий так же зеркальны и симметричны по отношению друг к другу, как пролог и эпилог. Наконец, взятые вместе, вехи судьбы поэта составляют пять действий («Сүйүк»), пять времен года и вызывают в памяти ее стихотворение, в котором дается как бы ключ к разгадке всей судьбы:

То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что это — любовь.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Любовь как «творческий метод проникновения в человека» (по определению Н. В. Недоброво) всегда была для Ахматовой мерою всех вещей и, следовательно, «последней свободой».

Рассмотрим времена Ахматовой в их зеркальных соотношениях. В 60-е годы, работая над книгой автобиографической прозы «Мои полвека», Ахматова так оценила время своих «начал» в очерке «1910-е годы»: «Кто-то недавно сказал при мне: «10-е годы — самое бесцветное время». Так, вероятно, надо теперь говорить, но я все же ответила: «Кроме всего прочего, это время Стравинского и Блока, Анны Павловой и Скрябина, Ростовцева и Шаляпина, Мейерхольда и Дягилева». Она не назвала в этом перечне имен своего, но с полным основанием можно добавить: «и время Анны Ахматовой». За эти первые десять лет ею было выпущено пять поэтических книг, читательский успех которых позволил даже марксистскому критику Н. Осинскому на страницах «Правды» назвать в 1922 году Анну Ахматову «лучшим русским поэтом после смерти Александра Блока»³. В течение всего этого десятилетия Ахматова окружена несметной толпой почитателей и поклонников: ей посвящают стихи Блок и Мандельштам, Сологуб и Кузмин, ее портреты пишут Модильяни и Альтман, Петров-Водкин и Анненков. Музыку к ее стихам сочиняют Сергей Прокофьев и Артур Лурье. Она совершает две поездки за границу, и впечатление от итальянской живописи остается в ее творческой памяти на всю жизнь. Она становится козырной дамой акмеизма — специфически русской поэтической школы, вернувшейся на стезю пушкинской ясности, точности и сообразности смысла и слога в стихах.

Последнее десятилетие ахматовской поэтической биографии так же зеркально по отношению к первому, как осень зеркальна по отношению к весне. Ее «плодоносная осень» пришлась на то время, которое принято называть «хрущевской оттепелью». Это время Эренбурга и Солженицына, Шостаковича и Юдиной, Пастернака и Ахмато-

³ Осинский Н. Побег травы. (Заметки читателя) // Правда. 1922. 4 июля.

ПРЕДИСЛОВИЕ

вой. Она снова становится культовой фигурой, знаковым символом эпохи. За эти десять лет, обремененных тяжелыми болезнями, размолвками и разлукой с единственным сыном (что было, несомненно, ее главной бедой и горем), Анна Андреевна приобретает не громкие звания и награды, а прочную и все растущую любовь читателей. Об этом говорят тысячи благодарных читательских писем в архиве поэта. Она возвращается из «догутенберговской» эпохи: одна за другой выходят книги ее стихов и переводов; за рубежом печатаются на разных языках «Поэма без героя» и «Реквием», гуляющие по России во множестве списков. Анна Ахматова снова, как и в годы молодости, окружена толпами почитателей и поклонниц, и «волшебный круг» их все ширится, включая и многочисленных иностранных посетителей. (Фрост, Стейнбек, Белль, Мигель Отеро де Сильва). Имя Ахматовой появляется в списке кандидатов на Нобелевскую премию, однако вместо «Нобелевки» она получает менее престижную, но почетную премию «Этна-Таормина». Как бы повторяя путешествия молодости, она вновь проезжает на поезде сквозь всю Италию, останавливается на несколько дней в Париже и, наконец, получает в Оксфорде мантию почетного доктора литературы. Эти поездки были для нее окрашены радостью международной славы и горечью встреч с героями ее судьбы и — поэзии. (Борис Анреп, граф В. П. Zubov, Саломея Андроникова, сэра Исая Берлин). Об этих днях и об этих встречах лучше не сказать, чем написала она сама в стихах, обращенных к Борису Пастернаку:

Могучая евангельская старость
И тот горчайший гефсиманский вздох.

Ахматова, как и всякий православный человек, думала о смерти все время, но, похоже, эта мысль только подстегивала ее творческую энергию. Ее рабочие тетради, ставшие достоянием читателей сравнительно недавно⁴ показывают,

⁴ Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). Москва-Torino. 1996. Giulio Einaudi editore. 849 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ

как росли ее замыслы, как мужала и набирала силу ее проза, составившая бы единственную в своем роде книгу, прожи-
ви Ахматова еще несколько лет. Но все было отмерено свы-
ше: 5 марта 1966 года сбылось ее старинное предсказание,
сделанное на пороге весны 1911-го:

Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

В 1922 году Анна Ахматова окончательно утверди-
лась в своем решении навсегда остаться в Советской Рос-
сии. Знала ли она о том, что ожидает ее? Если судить по
стихотворению «Кое-как удалось разлучиться», посвя-
щенному уезжавшему за границу Артуру Лурье, то дога-
дывалась:

Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?

Артур Лурье, бывший комиссар Музыкального отдела
Наркомпроса, воспользовался служебной командировкой
в Берлин, чтобы «оставить Россию навсегда». Анна Ахма-
това была в курсе замыслов своего друга и имела хорошую
возможность уехать, но не воспользовалась ею. И даже 14
писем Артура со слезными мольбами о приезде к нему, не
подействовали. Что ж, она упустила свой шанс? Да, она
сознательно пошла на «крестную муку» и свершила свою
Судьбу сама. Как я писал выше, драма ее Судьбы состоит
из трех актов, причем первый и третий зеркально отражают
друг друга, хотя «странные сближения», возникающие при
этом, кажутся иногда почти фантазмагорическими. Первый
акт вмещает 1923—1939 годы, третий — 1946—1955 годы.
Главное, что позволяет сравнивать между собой эти жиз-
ненные этапы, — пресловутое ахматовское «молчание».
Было ли оно добровольным, «протестным» или принуди-
тельным? Интрига в первом и в третьем актах развивалась
на удивление сходным образом. Во время поездки в Москву

ПРЕДИСЛОВИЕ

в апреле 1924 года Ахматова прочитала на вечере журнала «Русский современник» свою «Новогоднюю балладу», где «хозяином» назван вовсе не Генеральный секретарь, а расстрелянный поэт Николай Гумилев.

Выступление Ахматовой вызвало недовольство «наверху» и послужило одной из основных причин закрытой Резолюции ЦК 1925 года, решением которой Ахматова, по ее словам, «была изъята из обращения до 1939 г.». Сходная ситуация повторилась в апреле 1945 года, когда Ахматова, опять же в Москве, выступая с группой ленинградских писателей, вызвала столь бурные овации у слушателей, что якобы удивило Сталина, задавшего вопрос: «Кто организовал вставание?» Эти московские публичные выступления поэта стали одной из причин того, что ее имя оказалось в числе двух главных «фигурантов», осужденных в Постановлении ЦК от 14 августа 1946 года, после обнародования которого две готовые книги стихов были уничтожены, а третья, «Нечет», намертво застряла в издательских недрах. Повлияли ли эти партийные решения на творческую продуктивность Ахматовой? Еще бы! Она хотела печататься и в первом и в третьем актах, но где же было ей справиться со всей мощью государственной бюрократической машины, поставившей на ее пути непреодолимые препоны? И все-таки не стоит проводить чересчур прямые параллели между творчеством поэта и руководящей партийной линией. У Ахматовой в первом акте были и другие, чисто творческие, причины для временной передышки в писании стихов. А в третьем акте ее молчание, несомненно, носило и протестный, демонстративный характер. Но, при разности причин, следствие было одно — молчание.

Мне молчание стало домом
И столицей немота.

Кроме того, Ахматова, видимо, не сразу поняла, что после статьи К. Чуковского о «двух Россиях» — Ахматовой и Маяковского, она отныне для властей, светских и литературных, стала символом уходящей, «оцерковленной» Руси, с которой можно и должно расправиться без всякой

ПРЕДИСЛОВИЕ

жалости и снисхождения. Эту истину после Корнея Чуковского наперебой старались внушить и самому поэту, и его читателям лефовские, рапповские и прочие критики, упражнявшиеся в выработке классового чутья на обличении ахматовской Музы. Однако пока, по выражению Ахматовой, «ругань шла, как вода по водопроводу», было еще не страшно. Страшно стало тогда, когда «вода» превратилась в кровь.

Водою пахнет резеда
И яблоком — любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь.

Это столь высоко ценимое друзьями поэта стихотворение было написано еще в преддверии «большого терра». Что такое чужая «кровь», Ахматова знала не понаслышке, ее вид преследовал поэта еще в 1921 году:

Лучше бы на площади зеленой
На помост некрашенный прилечь
И под клики радости и стоны
Красной кровью до конца истечь.

Или в другом стихотворении 20-х годов, дошедшем до нас не в полном виде:

О Боже, за себя я все могу простить,
Но лучше б ястребом ягненка мне когтить
Или змеей уснувших жалить в поле,
Чем человеком быть и видеть поневоле,
Что люди делают, и сквозь тлетворный срам
Не сметь поднять глаза к высоким небесам.

Может быть, чувство уже раз пережитого ужаса помогло Ахматовой с небывалой для нежной женщины твердостью встретить новые суровые испытания. Если в расстреле Гумилева она могла еще подозревать только козни коварного петроградского диктатора Зиновьева, то в «Эпиграм-

ПРЕДИСЛОВИЕ

ме», написанной несколько лет спустя, выносится приговор всему правящему режиму:

Здесь девушки прекраснейшие спорят
За честь достаться в жены палачам.
Здесь праведных пытаются по ночам
И голодом неукротимых морят.

Если верить данным, опубликованным отставным генералом КГБ О. Калугиным, изучавшим в бытность свою заместителем начальника Ленинградского управления КГБ «наблюдательное дело» Ахматовой, первые документы, отложившиеся в нем, относятся к 1927 году. Ахматову заподозрили в связях с правотроцкистскими элементами. У следственных органов не имелось, по-видимому, достаточно данных, чтобы тогда привлечь подозреваемую к ответственности. Но биографа ее П. Н. Лукницкого заставляют играть двойную роль: он ведет документальную летопись «трудов и дней» поэта и одновременно вынужден составлять отчеты о ее поведении для соответствующих органов. Только покинув Ахматову, Лукницкий с большим трудом избавился от этой «нагрузки». Первый звонок прозвенел после убийства С. М. Кирова. В октябре 1935 года одновременно были арестованы Н. Н. Пунин и Лев Гумилев. Ленинградские чекисты требуют у Ягоды ордера на арест Анны Ахматовой. Теперь мы знаем, что подоплекой этих репрессий были показания О. Мандельштама, сделанные им после ареста. Маховик террора раскручивался с возрастающей силой. Вскоре были взяты и уничтожены Николай Клюев, Владимир Нарбут, Сергей Клычков, Борис Пильняк, Бенедикт Лившиц. Все они были в той или иной степени дорогими и близкими Ахматовой людьми, соратниками ее по «свободному русскому слову», за которое они и приняли крестные муки. В этих условиях ожидающая ареста со дня на день Анна Ахматова совершает безумный — с точки зрения «здравой» логики — поступок: едет навестить «опального поэта» Мандельштама в Воронеж. Конечно, эта поездка не могла не стать известной ее незримым опекунам. И может быть, в качестве мести за

ПРЕДИСЛОВИЕ

этот шаг вторично, и на этот раз надолго, 10 марта 1938 года забирают ее сына. Начинается бесконечное стояние матери в тюремных очередях — начинается «Реквием». Первый акт Судьбы развертывался в постепенном нарастании гражданского негодования поэта — и закончился настоящим извержением поэтического вулкана в 1940 году, когда из кратера души поэта вырвались такие обжигающие стихи, как «Клеопатра», «Уложила сыночка кудрявого...», «Один идет прямым путем...», «Стансы».

Отвага Ахматовой подчинила Судьбу: в 1940 году, после пятнадцатилетнего запрета, как будто из небытия возникает чудо — сборник «Из шести книг». Но чудес, как известно, не бывает: и эта книга была обязана своим появлением на свет внезапному расположению товарища Сталина. В письме-отзыве о «Поэме без героя», рожденной в том же 1940 году, Павел Лукницкий по праву свидетеля и соглядатая сумел объяснить особенность, даже уникальность гражданского поведения Ахматовой на протяжении первого акта ее Судьбы: «Даже к Сфинксу наших времен, погрузившему когтистые лапы в опаленные его пристальным и загадочным взором пески бездыханных пустынь, — даже к этому Сфинксу, таинственно-жестокому, но запечатленному историей на тысячелетия, Вы сумели отнестись без предвзятости, сумели бесстрашно взглянуть ему прямо в глаза, с непоколебимой гордостью. И Сфинкс потупил глаза. Это легко делать многим теперь, когда каменные его глаза закрыты навсегда, и все знают, что веки его никогда не поднимутся. А тогда...»⁵

И как страшно все повторяется в зеркале третьего акта Судьбы Ахматовой. Раны, нанесенные солдафонски бесцеремонным докладом Жданова, не сразу, но постепенно начали затягиваться. Друзья, истинную цену которых она узнала в этом испытании, не давали пропасть. Ольга Берггольц и ее муж Георгий Макогоненко, Рыбаковы, Гитовичи, Томашевские — все они, как могли, помогали Анне Андреевне и деньгами, и продуктами, и ду-

⁵ РНБ. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 218.

Лукницкий П. Н. Письмо А. А. Ахматовой от 27 янв. 1962 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

шевной поддержкой. И не самым страшным было то, что в квартире отключали газ и свет, что ее лишали на какое-то время продовольственных карточек. Этим ее было не сломить — она знавала и худшие годы и «голоды». Самым страшным был очередной арест сына 6 ноября 1949 года — на этот раз — за нее. Молчание вместо публичного покаяния, которого от нее ждали, обернулось сталинской местью, ударившей по самому больному. «Отними и ребенка, и друга», — писала она когда-то. Тот, кто взял на себя функции Отца Небесного, отнял, вернул, а теперь снова отнял. И этого, второго тура, она не смогла пережить. Готовая поступиться своей литературной и человеческой репутацией, Ахматова пишет и печатает стихи, в которых делает отчаянную попытку пополнить когорту стихотворцев, воспевающих покорение гор и пустынь, борьбу за мир, а главное, разумеется, «доблесть того, / Кто нам и родней, и дороже всего, / Кто — наше победное знамя!», бьется за издание целого сборника под названием «Слава миру!». Насилие над собой не дало того результата, которого она добивалась: сын не был освобожден из лагеря — это произошло только в 1956 году. Но три года, которые тянулась волокита с изданием этого просоветского сборника, не прошли даром — сердце поэта не выдержало изощренной пытки — Ахматова слегла с тяжелым инфарктом в 1951 году. (А годом раньше, в 1950-м, глава НКВД Абакумов опять требовал ордер на арест Ахматовой, но ордер не был подписан и на этот раз. Может быть, все-таки стихами, славящими Вождя, Ахматова заплатила за свою свободу?)

Итак, в третьем акте мы видим новую тактику, тактику компромисса, которую пыталась применить Ахматова в борьбе за выживание, свое и своих близких. Компромисс себя не оправдал, но все-таки она избежала тюрьмы и лагеря, где вряд ли бы долго протянула с ее слабым здоровьем. Об этом, третьем акте трагедии ее Судьбы Ахматова вспоминала крайне редко и скупно. Но мы не можем пропустить эти годы удушья, перечеркнуть эти подъяремные стихи, потому что это тоже — времена Ахматовой. Черные времена.